

А.В. НИКОЛЬСКАЯ

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ В ЗООПСИХОЛОГИИ

Рассмотрены преимущества и недостатки различных подходов к исследованию психики животных, а также трактовок сущности явления. Обсуждаются такие подходы как полевые исследования, лабораторные исследования, анализ интервью и самоотчетов и сугубо теоретические построения. При обсуждении последних рассмотрены многие неустранимые дефекты адапционистской телеономии. Вместе с тем, результаты искусственного отбора позволяют полагать, что в этой сфере адапционистский подход может получить некоторые обоснования.

A.V. Nikolskaya. Methodological and methodical approaches in zoopsychology.

Merits and demerits of different methodical approaches to investigation of animal psychics are considered. These are: laboratory experiment, field supervision, interview to the people working with animals and a method of theoretical constructions. Where the latter ones are discussed, many unavoidable defects of the adaptinonistic teleonomy are indicated. At the same time, the results of the artificial selection permit to suppose that here adaptationistic notions may have some substantiations.

«При хорошем методе и не очень талантливый человек может сделать много. А при плохом методе и гениальный человек будет работать впустую».

И.П. Павлов

Психология в настоящее время переживает сложный период. Не секрет, что лицо любой науки определяется не только ее предметом, но также принятой методологией и методами (относительно психологии см., в частности, Рубинштейн, 1946). История психологии показывает, что вопрос о ее методах всегда был связан с вопросом о ее предмете. Изначально психологию понимали как науку о душе, на втором и третьем этапе своего развития ее рассматривали как науку о сознании и поведении, соответственно. Таким образом, на втором этапе метод психологии состоял в самонаблюдении, а на третьем — в наблюдении за поведением. На нынешнем этапе объект психологии — это отражательная и регулирующая поведение деятельность мозга, предмет — его структура и характер содержащейся здесь информации, т.е. та внутренняя картина, которая складывается в мозге перед выходом на исполнительные двигательные пути. Метод психологии — воссоздание этой картины по внешним проявлениям плюс системный синтез

разных знаний о психической деятельности мозга. При этом как теоретическая рефлексия предмета, так и методология современной психологии оказываются сегодня перед серьезным вызовом (Чуприкова, 2007).

Каким же образом зоопсихолог может, оставаясь в рамках предмета психологии (то есть, изучая проявления, закономерности и развитие психики животных) и придерживаясь современных тенденций в методологии этой науки, выбрать подход, адекватный познаваемой им реальности?

По сути дела, основополагающим методом психологии была и остается интроспекция. Она представлена в любых психологических исследованиях в явном либо скрытом виде. В скрытом, когда к исследованию привлекаются объективные методы. Но исследуется феномен, который дан субъективно. Вместо явления формируется некий конструкт из его характеристик, часто вторичных и третичных, которые принимают за само явление. Обычно применение интроспекции в исследовании поведения как объективного феномена ведет к тому, что субъективной данности психического придают вес объективного феномена. Но и здесь интроспекция присутствует в двух формах: как исходное знание о психическом и как нечто, игнорируемое бихевиористами. Никакого понимания психических явлений не может быть без непосредственного знания о них. Какие бы исследования психического не проводились, ученый вольно или невольно обращается к своему внутреннему опыту знания психического (Карицкий, 2005).

В зоопсихологии идею прямого, не опосредствованного знания дает подход, который можно назвать интуитивистским, представленный, в частности, в философии Бергсона. Применительно к биологической эволюции Бергсон (1998) вводит понятие интуиции, интуитивного вчувствования одного живого существа в психику другого, рассматривая такой подход в качестве механизма прямого знания. Возможность интуитивной эмпатии Бергсон объясняет общностью эволюционных корней всех ныне существующих видов живых существ. На самом деле, исследователь поведения и психики животных, будучи представителем своего вида, может опираться только на свою категориальную сетку понятий, на свое непосредственное знание психических явлений. Иными словами, в зоопсихологии крайне трудно избавиться от антропоморфизма, просто потому, что человек не может воспринимать мир в тех образах, в которых он воспринимается другими видами.

Изучение психических процессов любого живого организма осложняется еще и тем, что психические процессы представляют собой постоянно меняющийся поток, они динамичны. Мы не можем зафиксировать и исследовать некое внутреннее состояние индивида, поскольку в каждый следующий момент времени оно не тождественно предыдущему. Другая трудность заключается в том, что восприятие, по крайней мере у высокоразвитых организмов, всегда индивидуально. «Элементы чужой душевной жизни, различающиеся от нашей собственной, не могут быть восполнены нами положительно. В подобном случае мы можем сказать, что сюда привходит нечто нам чуждое, но мы не в состоянии сказать, что именно. За большое внутреннее сродство всей человеческой душевной жизни говорит то, что для исследователя, привыкшего оглядываться вокруг себя и знающего свет, понимание чужой человеческой душевной жизни в общем вполне возможно. Зато при познании душевной жизни животных пределы этого познания весьма

неприятным образом обнаруживают свое значение. Наше понимание позвоночных, обладающих в основных чертах той же структурой, что и мы сами, оказывается, естественно, относительно лучшим, какое мы имеем о жизни животных; при изучении импульсов и аффективных состояний оно оказывается даже весьма полезным для психологии; но если наряду с позвоночными членистоногие оказываются важнейшим, обширнейшим, и в умственном отношении наиболее высоко стоящим разрядом животных, в особенности же перепончатокрылые, к которым принадлежат пчелы и муравьи, — то одна уже до крайности различающаяся от нашей их организация чрезвычайно затрудняет толкование физических проявлений их жизни, которым, несомненно, соответствует и в высшей степени чуждая нам внутренняя жизнь. Таким образом, тут у нас отсутствуют все средства для проникновения в обширную душевную область, являющуюся для нас совершенно чуждым миром; беспомощность наша по отношению к нему выражается в том, что поразительные душевные проявления пчел и муравьев мы подводим под смутнейшее из понятий, под понятие инстинкта. Мы не можем составить себе никакого понятия о пространственных представлениях в голове паука. Наконец, у нас не существует никаких вспомогательных средств для определения того, где кончается душевная жизнь и где начинается организованная материя, лишенная ее» (Дильтей, 1996: 70-71).

Тем не менее, многие методы, используемые на сегодняшний день в психологии, могут быть использованы и в зоопсихологии. Зоопсихология может, к тому же, также импортировать методы биологии, этологии и нейронаук.

Собственно психологические исследовательские подходы можно условно разделить на четыре стратегии: полевые исследования, лабораторные исследования, анализ интервью и самоотчетов, теоретические построения.

Как у полевых, так и у лабораторных исследований есть свои достоинства и недостатки. Следовательно, ученый должен разработать такую исследовательскую программу, которая по возможности сочетала бы в себе преимущества обоих этих исследовательских подходов. Преимущества стратегии полевых наблюдений заключаются в том, что они максимально приближены к реальности и оказывают минимальное влияние на животных при наблюдении за их поведением. При этом можно идентифицировать важные паттерны поведения, свидетелем которых было бы трудно или невозможно стать в лабораторных условиях. Но у полевых методов есть и недостатки. Эти методы имеют меньшую точность измерения и контроля, здесь более сложно обобщать результаты, полученные на несоизмеримых совокупностях. Тем не менее, использование этих методов в зоопсихологии вполне продуктивно, если они сочетаются с системным подходом. В качестве последнего я понимаю рассмотрение наблюдателя и исследуемых им животных, находящихся в естественной среде обитания, которой может быть как природная, так и городская среда. Такая система подчиняется определенным закономерностям, что позволяет эксплицировать знания о ее «первичных» элементах в условиях некоего их единства и структуры взаимодействий между ними.

Другая стратегия предполагает высокую степень управления ходом событий со стороны экспериментатора. Животные оказываются в ситуациях, которые сильно отли-

чаются от рутины их повседневной жизни. Основная цель этой стратегии состоит в изучении того, каким образом различные ситуативные контексты влияют на поведение животных. Высокая точность измерения вместе со способностью получать ясные причинно-следственные заключения — вот основное преимущество экспериментальных методов. Недостатком же этой стратегии является то, что она очень слабо приближена к реальности, поскольку ставит животных перед необходимостью решать задачи, с которыми они не встречаются в естественной среде обитания. Тем не менее, лабораторные опыты Скиннера, Вудвортса, Скотта, Харлоу и многих других внесли огромный вклад в наши знания о психике животных.

Еще одна стратегия состоит в анализе интервью и самоотчетов (здесь речь идет о материалах, получаемых от владельцев животных или людей, работающих с животными). К недостаткам этой стратегии относится то, что точность измерения здесь не может быть высокой в принципе. К преимуществам стратегии можно отнести то, что здесь приходится вводить так называемое наблюдение второго порядка, т.е. наблюдение за наблюдателем (понятие введено на постнеклассической стадии развития науки — см. Степин, 2008; Корнилова, Смирнов, 2006). Интервьюируя кого-либо на предмет его общения с животными, мы концентрируемся на том, как опрашиваемый воспринимает эти отношения, что и в каких ситуациях считает важным, а что — нет. Но в результате эта редукция к видению мира конкретным наблюдателем оборачивается для нас преимуществом, поскольку мы приращиваем к своему видению видение наблюдателя. Другое преимущество этой стратегии заключается в том, что многие аспекты истории жизни животного, которые могут обуславливать его поведение в настоящее время, можно выявить только в процессе подробных интервью с владельцами животных. Фактически, мы исследуем здесь индивидуальный опыт владельцев, зафиксированный и проявляемый ими в процессе коммуникации с животными, что помогает уяснить актуальную ситуацию жизни животного и события его прошлого опыта, а затем делать выводы о поведении на основе этой информации.

Наконец, стратегии могут быть не только эмпирическими, но и теоретическими. Формальная теория пытается описать универсальные системы поведения. К формальным теориям можно отнести теорию итоговой приспособленности Гамильтона (1964), который выдвинул гипотезу, согласно которой так называемое «альтруистическое поведение» животных детерминировано степенью генетического родства между представителями данного вида (критику этих взглядов см. Панов, 2009, часть 5). Триверс (Trivers, 1971) в попытках объяснить феномен кооперации между генетически неродственными особями в пределах вида предложил теорию реципрокного альтруизма, Туби и Космидес (Tooby и Cosmides, 1992) и Пинкер (Pinker, 2007) высказали предположение, что мозг располагает специфическими психологическими механизмами, которые активируются и управляют мыслями, чувствами и действиями в соответствующих социальных контекстах. Каждая из этих теорий предполагает, часто без достаточных оснований, что те или иные психологические процессы универсальны для всех особей популяции или даже вида.

Все рассмотренные стратегии исследования дают богатый материал относительно психических проявлений у животных, но в большинстве случаев полученные сведения

оказываются чисто описательными. Проведенные исследования позволили сделать огромные шаги в понимании того, что могут и чего не могут животные разных видов. Но зачастую мы имеем дело не более чем с голой констатацией наблюдаемых событий. Например, проводилось исследование способности к различению множеств у ворон и собак. На дощечки были нанесены точки, и в экспериментах вознаграждением подкрепляли выбор животным дощечки с большим количеством точек. Поначалу животные обоих видов успешно справлялись с задачей, но, по мере увеличения числа точек собаки уже не могли решить задачу, в то время как вороны продолжали справляться с заданием. Означает ли этот эксперимент, что интеллект вороны выше интеллекта собаки? Конечно, нет. Просто для вороны является биологически целесообразным выбирать объект с большим количеством точек, поскольку ворона клюет корм. Для собаки такой способ добывания пищи нехарактерен, поэтому собака может решать задачу на различение количества точек лишь в узких пределах. Кроме того, и зрение для собаки не является ведущим анализатором, в отличие от зрения вороны, приспособленного к различению мелких предметов.

Следовательно, в процессе любых лабораторных экспериментов исследователю стоит задуматься, насколько при их планировании приняты во внимание особенности среды обитания испытываемого вида, и в состоянии ли тот решать поставленные задачи. Не случайно МакФарленд (1995) утверждал, что решение приматами большинства задач на интеллект, с которыми не могут справиться другие животные, может оказаться следствием того, что тесты разрабатывались человеком, с которым приматы находятся в биологическом родстве. Иными словами, перенося систему человеческих восприятий на животных, мы можем столкнуться с тем, что сделанные выводы окажутся не слишком убедительными.

Эта же опасность подстерегает и исследователей, изучающих поведение животных в естественной среде обитания, поскольку интерпретация того или иного поведения с точки зрения человеческой рациональности и целесообразности, может оказаться далека от истины (Панов, 2005; наст. сборн. «Против механицизма...»). Интерпретация поведения другого крайне сложна даже в пределах одного вида. Например, мы находимся в душной комнате. Какой-то человек встает, открывает окно и продолжает стоять у открытого окна. Мы интерпретируем его поведение в том смысле, что из-за духоты он хочет подышать свежим воздухом. Но на деле все может обстоять совсем не так. Вполне возможно, что этот человек не ощущает духоты в комнате, которую ощущаем мы, а открыл окно, поскольку услышал на улице некий заинтересовавший его разговор. Пока мы не поговорим с этим человеком, чтобы выяснить, с какой целью он открыл окно, мы не можем достоверно интерпретировать его поведение. Естественно, что при наблюдениях за животными задача интерпретаций усложняется многократно. Тем не менее, наши представления о психике животных будут тем полнее, чем более тесный контакт с ними нам удастся установить.

И зоопсихология, и психология в целом испытывают недостаток объяснительного стандарта. В зоопсихологии в качестве такого объяснительного принципа целесообразным, казалось бы, ввести принцип адаптационизма, который требует ответа на вопрос «для чего существуют те или иные психические особенности?». Например, для нашего

вида зрительное восприятие и владение языком — это основные адаптации, необходимые для приспособления к среде, в частности — социальной.

Многочисленными экспериментами показано, что социальные и моральные эмоции — такие как симпатия, доверие и чувство вины присущи животным (Besoff, 2002; Gruen, 2002; Pinker, 2007; Хаузер, 2008 и многие другие). Считают, что эти свойства выработаны в качестве адаптаций к взаимным играм без причинения вреда¹. Показано, что у животных одного вида в разных группах существуют свои традиции охоты (Крушинский, 2006). Взгляд современной психологии на традиции и мораль до сих пор упирался в культурно-историческую обусловленность этих феноменов. Не оспаривая безусловного влияния культурно-исторического опыта на формирование культурных традиций, мы лишь обращаем внимание на факт присутствия зачатков этих психических особенностей у животных. И тогда следует задаться вопросом, для выполнения какой функции они возникают и почему закрепляются в эволюции.

Впрочем, объяснение психологической особенности в терминах адаптации далеко не всегда удовлетворяет универсальному объяснительному принципу. Например, хорошо известно, что в коровниках, где звучит классическая музыка, увеличиваются надои молока. Известен эффект музыки для человека, но неясно, что представляет собой адаптивная функция музыки. Популярная гипотеза, что функция музыки заключается в том, чтобы держать сообщество вместе, может быть истинна, но это — *не объяснение* того, почему мы любим музыку, и почему у коров при прослушивании музыки усиливается лактация. Это лишь уклонение от спора о том, почему последовательности звуков в определенных ритмичных и гармонических отношениях должны сохранить группу, держать ее членов вместе. Воспроизводство звуков и позитивная реакция на те или иные их последовательности не может служить правдоподобным решением проблемы поддержания солидарности группы, ибо совместная охота или совместный груминг — тоже часть синдрома «групповой образ жизни». Однако, в этом и в других подобных случаях невозможность найти адапционистское объяснение не означает, что задачу невозможно решить вообще. Очевидно, объяснительный принцип не должен опираться только на адапционную трактовку функций той или иной психической особенности, но необходим взгляд и с других точек зрения, например, с позиций нейрофизиологии, психофизиологии и филогенетической истории вида.

Сложность использования адапционистского объяснительного принципа состоит в том, что сплошь и рядом здесь невозможно привлечь хоть какие-то эмпирические доказательства. Впрочем, с той же проблемой сталкиваются большинство теорий, содержащих исторический компонент. Стартовые предположения об историческом прошлом заявленной адаптивной черты или психологического механизма лишь с очень малой вероятностью могут быть правдоподобными априорно. Дело в том, что нечто, заданное историческим прошлым, нельзя анализировать непосредственно, нельзя манипулировать с ним, невозможно оценить количественно. Кроме того, поиски простых ассоциаций между отдаленными, биологически обоснованными адаптациями, и операциями

---

¹ Это мнение автора разделяют не все члены редакторского коллектива.

текущих психологических процессов более сложны, чем установление ассоциаций между средовыми (в том числе социальными структурными) факторами и текущими психологическими процессами (Pinker, 2007).

Надежное доказательство должно быть обеспечено широким диапазоном дисциплин (например, антропологии, зоологии, генетики, эволюционной биологии), чтобы принять «стартовую гипотезу» в данной теории или модели и объяснить, почему она более вероятна, чем прочие возможные (Cronin, 1991). Большое внимание должно быть сосредоточено на гипотетических затратах на поддержание той или иной психологической функции (поведенческих, социальных, физиологических и пр.) в эволюции. После проведения такого анализа исследователь должен объяснить, почему данная адаптация предоставила бы лучшее решение определенной эволюционной проблемы, чем другая возможная адаптация. Только в этом случае можно будет: (1) объяснить, почему в ходе эволюции были сформированы определенные психологические механизмы или процессы, (2) идентифицировать определенные команды извне (экологические) для вызова тех программ, которые должны были активизировать эти процессы из поколения в поколение (3) объяснить, как эти процессы должны были управлять мыслями, чувствами и поведением в определенных ситуациях, и т.д. (Pinker, 2007).

При этом нельзя забывать, что многие теории эволюционной психологии основаны на чисто произвольных предположениях о том, каким образом данная черта или характеристика формировалась, чтобы служит неким, опять же весьма проблематичным, «потребностям» вида. Это не может не вызывать обоснованной критики. Так, Голд и Левонтие (Gould, Lewontin 1979) утверждают, что в большинстве адаптационистских построений стандарты доказательства слабы или неудовлетворительны в плане поиска неких приспособлений к условиям среды. Эти авторы прямо заявляют, что большинство работ такого рода констатируют лишь то, что некоторые полученные результаты совместимы с априорными теоретическими предсказаниями, но не приводят обсуждений возможных конкурирующих гипотез. Gould (1984) указывает также, что эти исследования, как правило, слишком акцентируют важность давления отбора и недооценивают множество ограничений, влияющих на силу отбора. Все это заставляет автора предположить, что к адаптационистским трактовкам прибегают, когда недостает строгих доказательств. Поэтому в эволюционных подходах желательно использовать методологию, которая давала бы возможность более строго документировать существование конкретных адаптаций (Maugh, 1983).

Для реализации такого рода рекомендаций предлагается следующий подход. Поскольку организмы — это «ныне живущие исторические документы» (Cronin, 1991; Williams, 1992), то в их образе жизни следует искать указания на реальность селективных факторов, которые могли действовать в прошлом, но имеют тенденцию быть нейтральными либо дисфункциональными в современных условиях среды. В качестве примера можно упомянуть склонность некоторых домашних животных (и людей) к пищевым продуктам с высоким содержанием жиров и сахара (Drewnowski, 1997). Возможно, таким поведенческим атавизмом оказывается непреодолимый страх перед некоторыми объектами (например, змеями: см. Ohman и Mineka, 2001). К числу

филогенетически выработанных психических функции можно отнести и способность людей осваивать грамматику и язык (Pinker, 2007).

Безусловно, объяснительный принцип в рамках адапционизма сильно уязвим в плане эмпирических доказательств. Однако ответ на вопрос «для чего?» порой удается получить при изучении поведения домашних животных, поскольку психологические механизмы приспособления к антропогенной среде были выработаны у них человеком в процессе селекции. У домашних животных можно установить преемственную связь между ныне существующими адаптациями и теми, что были заданы их предшествующей эволюцией. Например, Беляеву (1962, 1967) удалось всего лишь за тридцать лет вывести линию ручных черно-бурых лисиц. Для домашних животных человек стал одним из основных социальных партнеров, что облегчает коммуникацию между ним и животными. Это дает возможность в максимальной степени объяснять механизмы их поведения. Таким образом, изучение психологии домашних животных может, в свою очередь, способствовать более глубокому пониманию психики диких животных, особенно тех, что родственны одомашненным видам.

Степин (2008: 331) пишет в своей последней книге, что «переход науки к постнеклассической стадии развития создал новые предпосылки для формирования единой научной картины мира», и что эта картина должна строиться на «основе принципов универсального эволюционизма, объединяющих в единое целое идеи системного и эволюционного подходов». С этой точки зрения предлагаемый подход не противоречит идеалам объективности научного знания по М. Полани (1985).

Противоположная точка зрения принадлежит Ясперсу. Согласно этому философу, теория как таковая возможна в психологии только на правах спекулятивной конструкции, выдвигаемой исследователем. Причина в том, что сведение психической жизни к нескольким универсальным началам невозможно. Ясперс утверждает, что «наши методы не ведут к открытию каких бы то ни было фундаментальных начал, предназначенных для объяснения психической жизни, они лишь выводят на определенные пути, двигаясь по которым, мы получаем возможность познать некоторые ее аспекты» (Ясперс, 1997: 43).

И все же психологи пытаются понять и объяснить психику, рассматривая ее одновременно и как порождение социума, и как функцию нейронов, и как многообразие нашего мира феноменов. Так или иначе, зоопсихология, приняв на вооружение эволюционный подход, может внести существенный вклад в объяснение сущностных сторон психики.

Литература

Беляев Д.К. 1967. Поведение и воспроизводительная функция животных. Бюл. МОИП 69(3,4) страницы

Карицкий И.Н. 2005. Специфический и всеобщий метод психологии. Труды ярославского методологического семинара. Т.3. Метод психологии: 111-135.

Корнилова Т.В., Смирнов С.Д. 2006. Методологические основы психологии. С.Пб.: Питер. 363 с.

- Крушинский Л.В. 2006. Записки московского биолога, М.: изд-во Языки славянской культуры. 499 с.
- Мак-Фарленд Д. 1988. Поведение животных. Психобиология, этология и эволюция. М.: Мир. 520 с.
- Павлов И.П. 1952. Полн. собр. соч. Т. 5. М.-Л.: 26.
- Панов Е.Н. 2005. Знакиб символы, языкию М. КМК. 495 с.
- Панов Е.Н. 2009. Поведение животных и этологическая структура популяций. М.: УРСС. 423 с.
- Полани М. 1985. Личностное знание. М.: Прогресс. 344 с.
- Фролов Ю. 2002. Как скорпион находит жертву. Наука и жизнь 5: 23-24
- Хаузер М. 2008. Мораль и разум. М.:Дрофа. 630 с.
- Чуприкова Н.И. 2005. С. 359-369 в «Объект, предмет и метод психологической науки. Т 3 Метод психологии». Труды ярославского методологического семинара.
- Чуприкова Н.И. 2007. Методы и методология психологической науки. Методология и история психологии 1(1):51-60
- Ясперс К.1997 Общая психопатология. М.: Практика. 1056 с.
- Wesoff M. 2001. Social Play Behaviour: Cooperation, fairness, trust and the evolution of morality. J. Consciousness Studies 8 : 81-90
- Cronin, H. 1991. The ant and the peacock: Altruism and sexual selection from Darwin to today. New York: CambriюUnivю Press.
- Drewnowski, A. 1997. Taste preferences and food intake. Annual Review of Nutrition 17:237-253.
- Gould, S., Lewontin, R. C 1979 The spandrels of San Marco and the Panglossian paradigm: A critique of the adaptationist programme. Proc. Royal Soc. London. Series B 205: 581-598.
- Gould, S. J. 1984. Only his wings remained. Natural History93: 10-18.
- Gruen L. 2002. Moral of Animal Minds. Cognitive Animals. Eds M. Bekoff et all. P. 438-443
- Mayr, E. 1983. Toward a new philosophy of biology: Observations of an evolutionist. Cambr., MA: Harvard Univ. Press.
- Ohman, A., Mineka, S. 2001. Fear, phobias and preparedness: Toward an evolved module of fear and fear learning. Psychological Review 108: 483-522.
- Pinker, S. 2007. Evolutionary psychology NY: New York Press
- Thornhill, R. 1997. The concept of an evolved adaptation. P. 4-22 in M. Daly (ed.) Characterizing human psychological adaptations. London: USA Found.
- Tooby J., Cosmides L. 1992. The psychological foundations of culture. P. 19-136 in J. Barkow, L. Cosmides, J. Tooby (eds.) Evolutionary psychology and the generation of culture. NY: Oxford Univ. Press.
- Trivers, R. L. 1971. The evolution of reciprocal altruism. Quart. Rev. Biol 46: 35-57.
- Williams, G. C. 1992. Natural selection. Oxford: Oxford Univ. Press.

*Никольская Анастасия Всеволодовна,
кандидат психологических наук, Московский
Государственный университет (Психологический факультет)
tonokazutoya@bk.ru*